

IN THE

SHADOWS OF BIAS

1

original story by *Moshuironaki*
art by *Moshuironaki*

18+

Minikuinaneko Minikuinaneko

Том 1. В тених предрассудков

«Автор»

2026

Minikuinaneko M.

Том 1. В тених предрассудков / М. Minikuinaneko — «Автор», 2026

Ну конечно. Очередная история о том, как мужчина умирает и перерождается в фэнтезийном мире, получает силы, внимание Богов и... Подождите. А действительно ли всё так просто? Переродиться — и сразу стать героем? Обладать знаниями — и автоматически победить всех врагов? Быть замеченным Богами — и получить смысл жизни? Звучит красиво. Но, честно говоря, сомнительно. Это не история о триумфальном восхождении. Это путь, где сражения — не всегда победы, потери — не всегда достойны, а слёзы — вовсе не слабость. Каждый идёт своим путём. Вопрос лишь в том: вы правда хотите услышать о нём?

Содержание

Том 1	5
Том 1 Глава 0: Пролог	6
Том 1 Глава 1: Конец ночи знаменует начало нового дня	9
Том 1 Глава 2: За пределами привычного вчера — рождается чужое завтра	21
Том 1 Глава 3: Путеводные разломы	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Том 1. В тених предрассудков

Том 1

Оглавление:

Том 1 Глава 0: Пролог

Том 1 Глава 1: Конец ночи знаменует начало нового дня

Том 1 Глава 2: За пределами привычного вчера — рождается чужое завтра

Том 1 Глава 3: Путеводные разломы

Том 1 Глава 4: Край нескончаемой темени

Том 1 Глава 5: Солнечное гало

Том 1 Глава 6: Точка привязки

Том 1 Глава 7: Together

Том 1 Глава 8: Узы из трещин

Том 1 Глава 9: Колея стыда

Том 1 Глава 10: Пропась, рождённая обвалом

Том 1 Глава 11: Два голоса, одна мелодия

Том 1 Глава 0: Пролог

Вы когда-нибудь задумывались, что жить и одновременно быть счастливым для обычного человека недостижимо? Первую половину суток отнимает работа, вторую — сон. И стоит избавиться от одного — как вскоре настигает смерть. Вне зависимости от причин, взрослый человек не может вечно бездельничать, даже если ему сильно того хочется. И что можно успеть за оставшиеся несколько часов после работы и до сна, когда нужно зайти в супермаркет, прибраться в квартире и приготовить ужин? Конечно, подавляющее большинство, подгоняя свои желания под рамки, находит счастье в том, что имеет. Но правильно ли это? Не знаю. Не для меня, во всяком случае.

С возрастом я понял, что общение меня утомляет, отбирая те немногие свободные минуты, которые я мог бы потратить на то, что действительно хочу. Всякий раз, когда кто-то пытался завести со мной разговор, мне приходилось прилагать значительные усилия, чтобы отвечать соответствующим образом. Более того, мне тоже приходилось придумывать темы, чтобы этот разговор не оборвался на моём ответе. Всё же факт оставался фактом: все мои попытки выглядели притворством. Я не мог вести себя с другими открыто, другими словами — так, как мне хотелось. Я был вынужден подстраиваться под окружающих. И когда однажды я оставил всё это позади — я наконец испытал то самое чувство свободы, которое, как мне казалось, я всегда искал.

Ах да, обычно первым делом представляются, верно? Хотя я сомневаюсь, что хоть кому-то интересно имя заурядного человека вроде меня. Ведь я не один на миллиард, а один из. Один из тех, кого вы встречаете, пока едете в транспорте на работу или учёбу, один из тех, кто стоит впереди или позади вас в очереди на кассу. Не тот, чьё лицо вы увидите на экранах кинотеатров или телевизоров, не тот, чью мангу вы однажды прочтёте, а скорее тот — незамеченный в толпе — кто будет стоять вместе с вами, ожидая выхода новой главы в популярном журнале. Обычный. Давайте будем откровенны: ваши глаза вряд ли задержатся на таких скучных людях.

Я лежал на письменном столе, время от времени меняя положение головы на своих руках. Пожертвовав драгоценными часами сна, я надеялся написать новую главу своего романа. Каждый раз, как приходила интересная мысль, стоило только взять мне в руки карандаш — мой мозг будто форматировался, не оставляя от неё и следа. Наверное, это покажется глупым, но история, которую я писал, служила для меня чем-то вроде дневника. Записывать свои мысли и мечты в виде вымышленных историй казалось мне чем-то захватывающим. Особенно если учесть, что главным героем романа был я. Грустно осознавать, что "обычный" вьелось в моё подсознание, и даже в фантастическом экшен-романе главный герой стал скучной и заурядной личностью. Впрочем, кого волнует, что в нём написано, если кроме меня его некому прочесть? Ответ очевиден.

Подняв голову, я обратил внимание на часы — уже 6 утра. Через три часа я должен снова сидеть в офисном кресле перед монитором, тестируя очередную систему на наличие ошибок. А как известно, ошибки есть всегда, ведь "исчерпывающее тестирование недостижимо". Порой мне кажется, что в окружении, которое я для себя выбрал, вовсе нет ничего достижимого.

Встав из-за стола, я направился на кухню поставить чайник, чтобы приготовить чашечку кофе. Не теряя времени, я отправился в ванную умыться. Я решил не включать свет, оставив дверь приоткрытой, чтобы солнечные лучи мягко освещали пространство. Мне не хотелось начинать своё утро с ужасов, ведь, глядя на чёрные круги под глазами, в своём отражении я видел образ Садако.

Закончив с умыванием под холодной струёй воды, я вернулся на кухню. Чайник уже закипел, и я налил кипятка в заранее подготовленную чашку. Перенёс её на подоконник, я при-

сел напротив, медленно помешивая кофе. Закрыв глаза, я вдыхал бодрящий аромат, пытаюсь насытиться энергией перед наступающим днём.

Выщелкнув одну сигарету из пачки, что лежала у окна, я щёлкнул зажигалкой и затянулся. Дым просачивался сквозь щель наружу, немного оставаясь внутри, смешиваясь с запахом кофе.

За окном — середина лета. В школьные годы, наверное, это была моя любимая пора года. Очевидно, что из-за каникул. В любом возрасте я с трудом переношу высокие или низкие температуры. В годы моей молодости ещё не придумали кондиционер — или же он был слишком дорогим для простого люда, — поэтому лето ощущалось действительно жарким.

По улицам взад-вперёд бродили сонные собачники, гуляющие со своими питомцами. Я невольно зевнул, когда увидел, как один из прохожих едва сдерживает зевок. Что же, я сделал это за тебя.

Когда-то давно, уже и не вспомню точно, когда, у меня тоже была собака. Пушистая, с большими добрыми карими глазами и радостно виляющим хвостиком при виде меня. Она жила у бабушки в деревне, и мы виделись с ней лишь летом. Меня поразило то, что, несмотря на длительное расставание, она всегда узнавала меня. Этот медвежонок весом в 180 фунтов бежал встречать меня, повалив на землю и облизывая с головы до пят.

Возвращаясь мысленно в те времена, я отчётливо ощущаю запах фермы и свежескошенной травы. Каждое утро наполнялось громким пением птиц, что, будто иерихонские трубы, доносилось со всех сторон. Старый шаткий домик, который, казалось, тотчас рассыплется, если вдруг злой волк попытается сдуть его. Необъятный участок, который хранил в себе множество тайн и спрятанных сокровищ. И я, подражая первопроходцу, вооружившись найденной на земле палкой, бороздил заросшие плотной растительностью просторы.

Но всякое счастье мимолётно, и в конце концов его неминуемо смывает безжалостная волна времени. Сперва, не привыкнув к городской жизни, погибла моя кошка, которую мы приютили в той же деревне. А следом, немного позже, умерла и собака. Грустно осознавать, что никто из них не дожил до моего выпуска из младшей школы, прожив не более пяти лет. Возможно, проблема была во мне. Да, определённо. Даже если казалось, что ты уделяешь достаточно внимания своему четвероногому другу, после того как потеряешь — осознаешь, что этого было недостаточно. Конечно, каждый по-разному смотрит на отношения между людьми и животными. Но минутку — едва ли я когда-нибудь интересовался, кто что думает на этот счёт.

Это был первый и последний раз в моей жизни, когда я так плакал из-за кого-то. Возможно, в тот период времени я выплакал весь свой запас слёз, что мне был дан при рождении. И хоть череда завтрашнего дня приносила всё больше плохих новостей, единственное, как я мог поступить в таких ситуациях — опустить глаза и тоскливо улыбнуться.

Конечно, первым моим порывом было проводить каждую свободную минуту со своими близкими, но, как и в случае с счастьем, каждые новые провальные отношения всё больше сужали мой кругозор. Возможно, они просто не стали для меня по-настоящему близкими? Возможно.

"Люди не меняются", — кто-то когда-то мне это сказал. Озираясь на себя из прошлого и сегодняшнего, если эти слова кого-то и описывали, то только не меня. В какой-то момент этот город... Нет, пожалуй, весь мир — словно потерял всё, что делало его для меня интересным. И, будто отчаявшись отыскать Немо, я всё больше погружался в тёмные глубины океана.

И где только блуждали эти мысли, пока я безучастно свесил голову над листком бумаги за письменным столом?

Интересно, это недостаток сна послужил тому, что на меня разом нахлынуло столько воспоминаний?

Допив свой кофе и осознав, что опаздываю, я оставил чашку в раковине и поспешил одеваться. Одно из преимуществ моей нынешней работы в том, что никто не смотрит на твой

внешний вид. Что означало: при желании, можно явиться в офис в домашнем халате. Конечно же, это шутка. Впрочем, находишься офис в соседнем здании — я бы, может быть, и решился.

Раньше я не задумывался, что для меня означает "тьма". Отсутствие света, наверное. Впрочем, ночью я чувствовал себя более активным, чем днём. Возможно, я был подобен солнечной батарее — чувствовал себя вяло днём, заряжаясь к ночи.

Стоя у входной двери в одном кроссовке, я внезапно ощутил, как мир вокруг меня стал тёмным. Ещё никогда на моей памяти сердце не билось настолько быстро, звоном отдаваясь в висках. Капельки пота ручьём стекали по лбу — что неудивительно, если учесть, что на дворе разгар лета. Сгорбившись и скривив лицо, я сжимал свою грудь, пытаюсь отдышаться. Ослеплённый ужасной болью, я закашлялся, ощущая, как ротовая полость наполнилась едким вкусом металла.

Наше сердце, несмотря на свой незначительный размер, обладает значительной силой, чтобы перекачивать от 4,7 до 5,7 литра крови в минуту, совершая примерно 70 ударов в процессе. Примерно 19 080 литров и 252 000 ударов за час. Что же произойдёт, если этот поразительный орган вдруг выйдет из строя? Верно. Если сердце можно сравнить с сервером, то, кажется, и меня настигала ошибка 503 — сервер не имеет возможности обрабатывать запросы.

Последним, что увидели мои остекленевшие глаза, был до боли знакомый мне силуэт, но я упрямо отказывался вспоминать, кому он принадлежал. Я отчаянно тянул к нему руку, словно безмолвно моля его о помощи. Но здесь, в тишине и сокрытом во тьме пространстве, образ лишь мелькнул мне улыбкой и растворился, наблюдая, как моё тело стремительно спешило навстречу с землёй.

Том 1 Глава 1: Конец ночи знаменует начало нового дня

Сейчас уже было не понятно, что являлось сном, а что реальностью. Планета — битком населённая тебе подобными существами или этот бескрайне пустой мрак.

Те немногие огни, подобно пляскам светлячков, оставляли раны на чёрном полотне, затем бесследно в нём растворялись. Я, подобно кораблю в открытом море, следовал за каждым новым появившимся маяком, пока в конце концов не оказался здесь. Здесь...

"А здесь это где?"

Рухнув на пол от бессилия, я не ощущал под собой твёрдой почвы. Казалось, словно моё тело мало-помалу погружалось всё глубже в этот бездонный тёмный океан. Мой разум чувствовал себя совершенно не в себе, будто в него сквозь пробоины просачивалась мгла. И здесь, в тишине, объятый материализовавшейся тенью, время замедлило свой ход.

Сколько лет прошло с тех пор, как я нахожусь в этом месте? В какой-то момент я просто перестал считать дни, следуя за несущим меня течением. Если это и есть реальность, я хочу уснуть и стать одним из блуждающих ночных светлячков. А если всё же сон, то однажды я должен буду проснуться? Хочу ли я этого? Определённо нет.

— Ты просто смиришься с происходящим?

"Да, почему нет?"

— И ты не хочешь ничего изменить?

"Нет, меня всё устраивает."

Погодите, голос. Чей это голос?

"Кто ты?"

Образ девушки, будто лунный свет, склонившись надо мной, коснулся руками моего лица. Такие холодные и в то же время нежные, как осенний ветер. Словно находясь по другую сторону водной глади, она коснулась своим лбом моего, вызвав рябь, чьи круги озаряли светом окружающее пространство. Мрачная пустота, будто кистью художника, наполнялась красками. Казалось, мир начал распадаться на фрагменты, но вместо хаоса пришло что-то знакомое. Спустя несколько мгновений, я ощутил под ногами холод плитки, а вокруг меня возникли знакомые очертания однокомнатной студии.

Главная комната объединяла в себе зону отдыха, спальную и кухню. Первое, что бросалось в глаза, — светлый диван, стоящий у окна. Перед ним стоял маленький стеклянный кофейный столик на металлических ножках. Над диваном на стене висела узкая настенная полка, где разместились несколько толстых книг и декоративных фигурок. Вместо кровати на полу вдоль стены был расстелен заправленный futon. Рядом на тумбочке стояла лампа, излучающая мягкий голубой свет, сливая комнату с оттенками города.

Будто мотылёк, летящий на свет лампы, я шаг за шагом приближался к окну. Оно служило чем-то вроде монитора с живыми обоями, открывая вид на неизвестный мне город, купающийся в океане бесчисленных звёзд. Сияние луны окрасило небо и городской пейзаж в одинаковые голубые тона. Прижав руку к стеклу, я наблюдал за умиротворяющей картиной спящего мира — мира, в котором меня нет.

Почему-то в этот момент мне захотелось, чтобы начался дождь. Не то чтобы я любил его, наверное, мне просто хотелось, чтобы хоть кто-то грустил обо мне. Но очевидно, было не кому.

Вселенная ясно дала понять, что все эти вещи — все они — однажды исчезнут. Значит, и не зачем скорбеть по одной лишь песчинке, покинувшей огромную пустыню, верно?

— Ничто не исчезает бесследно.

Несмотря на то, что голос звучал спокойно, мне показалось, словно я окунулся в прорубь. Замерев на месте, мои глаза медленно проследовали к руке, лежащей на моём плече. Такая маленькая и такая утончённая, словно лепесток сакуры, едва коснувшийся земли. С трудом сглотнув, я обернулся к её владельцу.

Меня встретила девушка с длинными волосами цвета первого снега. Из-за её бледно-белой кожи и равнодушного выражения, казалось, будто её лицо выдолблено из льда. Тонкие, синеватые губы и глаза столь же серые и холодные, как луна.

Её слова повисли в воздухе, но не достигли меня. "Ничто не исчезает бесследно". Возможно, она пыталась сказать что-то философское, что-то ободряющее, но звучало это как далёкое эхо, едва касающиеся моих мыслей.

Размышляя об этом ещё немного, я пришёл к выводу, что, возможно, она говорила о призраках. О тех эфемерных созданиях, что остаются в памяти живых, когда их уже нет. Воспоминания, которые мы храним о покинувших нас, превращают их в призраков, оживляют в нашем воображении, возвращают в наши сны. Но, как бы странно это ни звучало, я исчез в тот же момент, когда и умер. Не оставив после себя ни следа, ни шёпота в сердцах других. Даже призраком мне не суждено было стать.

— Кто ты?

Проигнорировав мой вопрос, она убрала руку и повернувшись, направилась к барной стойке на кухне. На девушке было надето чёрное ципао с белоснежными узорами, будто вышитыми бриллиантовыми нитями, и длинным вертикальным вырезом, полностью обнажающим одну ногу. С каждым её шагом во все стороны разносились белые блёстки, создавая впечатление, словно она парила над землёй.

Её образ настолько завораживал, что его было проще принять за вымысел. Будто сказочная фея, которая взмахом волшебной палочки разбрасывает по земле конфетти. Казалось, если к ней ненароком прикоснуться, она разлетится блёстками, оставив после себя горстку магической пыли. Справедливости ради, место обитания совершенно не соответствовало его обитателю.

— Рада слышать, что я выгляжу для тебя столь волшебной, — прокомментировала она. А это значит ты не оставила без внимания, да? Стоп, что?

— Но я же ничего не говорил, — удивился я.

— Тебе и не нужно.

И что бы это могло значить? Неужели моё восхищение невольно отобразилось на лице? Или каждый с кем она встречалась прежде, думал о ней так же?

— Вытри слюни, ковёр заляпаешь, — обернувшись, добавила девушка, двигая указательным пальцем вверх-вниз.

Я тут же принялся вытирать губы, но они оказались совершенно сухими и потрескавшимися. Осмотрев пол, я также не обнаружил никаких признаков жидкостей, как, впрочем, и ковра.

Это могло бы быть похоже на шутку, если бы следом поступила хоть какая-то реакция. Но лицо девушки оставалось невозмутимым, словно она говорила со всей серьёзностью. Я ещё раз провёл пальцем по губам, но результат оставался тем же. Я с недоверием посмотрел на девушку.

— Шутка, — коротко заявила она.

Это было очевидно. Хоть и не с самого начала. Стоило ли мне посмеяться? Не уверен.

Не получив реакции, девушка села за барный стул у стойки, и лёгким касанием по сидению по-соседству, пригласила меня присоединиться к ней.

От окна до кухни было не больше расстояние, и быстро преодолев его, я сел напротив. Глядя на её лицо, выточенное словно из полированного льда, я ощущал, как ледяной холод исходил от неё, покалывая мою кожу. Кроме того, она была невероятно красива. Её почти про-

зрачная кожа казалась хрупкой, как тончайший лёд, переломляющий свет в мириаде мерцающих осколках.

Тем не менее, насколько бы красивой не была эта девушка, я не мог любоваться ей вечно. Продолжая молчать, мы сидели там, на стульях за стойкой. Где странное чувство похожее на голод, после ожесточённой схватки с застенчивостью, мягко подталкивало меня нарушить тишину. Но прежде, чем это произошло...

— Я... Хммм... — промычала девушка. Хотя я не был уверен, что это должно было значить.

— Хм?

Её неясный комментарий, словно взмахом меча, рассёк все мои попытки что-то сказать. Из-за того, что инициатива была бессовестно украдена, я только и мог, что сидеть в растерянности ожидая, что будет дальше. Как бы неуверенно она не звучала, лицо девушки оставалось непоколебимым. Это было так неестественно, но в тоже время, загадочно.

— Тебе предстоит путешествие в новый мир, тот, за стеклом, — наконец произнесла она, указывая пальцем на окно.

Я продолжил молча наблюдать за поведением девушки. Прошло несколько мгновений, а она так и не двинулась, будто полностью обратившись статуей. Может она ждала от меня какой-то реакции? Возможно.

Прежде я часто размышлял о смерти. Впрочем, как и все живущие на Земле. Для одних она была спасением, для других – худшим кошмаром. А для меня смерть всегда оставалась неизбежным концом, лишённым поэзии и драматизма. И я не хотел, чтобы это было иначе.

"Я хочу, чтобы каждый человек мог переродиться. Тогда он с лёгкостью смог бы осуществить все свои мечты. И даже если в этой жизни у него всё идёт наперекосяк, он не унывал, а, учитывая свои ошибки, исправил их в новой." — я часто слышал подобные слова от человека, с которым много говорил в прошлом.

Когда-то я разделял его стремления. Мысль о новой жизни казалась заманчивой. Казалось, всё будет так же просто, как в сюжетах из аниме – переродиться в волшебном мире, отправиться в сказочное путешествие и выжить в эпичных сражениях. Но реальность напрочь растоптала во мне ребяческие грёзы. Вместо мечты о перерождении осталась лишь пустота офисных будней, где даже смерть казалась чем-то будничным и серым.

И почему, скажите мне на милость, эта возможность появилась именно передо мной? Перед человеком, который утратил свою страсть и тягу к приключениям.

Тяжело вздохнув, я отвёл взгляд к окну, наблюдая, как город купается в мягком свете фонарей. Их яркое голубоватое свечение окутывало мостовые, тонкие улицы и шпили домов, придавая всему вокруг эфемерный, почти сказочный облик. Казалось, что время замерло, и весь мир утонул в причудливом переплетении света и теней.

Но каким бы чуждым и загадочным не был этот мир, я чувствовал, что в своей сути он мало отличался от моего. Серые будни сменялись новыми декорациями, но вечный круговорот оставался прежним. Законы, ресурсы, борьба – всё повторялось, словно по заранее написанному сценарию.

Свобода, которую я так отчаянно жаждал, снова ускользала, как листья, уносимые ветром. Она манила своей иллюзией, но оставляла только ощущение пустоты и бесконечной гонки за недостижимым.

— Не хочешь? — растерянно спросила она.

— А у меня есть выбор?

— Конечно... Я думаю... — неуверенно, заявила девушка.

Было не ясно какой именно выбор она предлагала, но на первый взгляд, любой другой вариант, казался мне более привлекательным, чем начинать всё с начала.

Я вернул взгляд к девушке, внимательно изучая её лицо. Но, как и прежде, по её простому выражению лица ничего нельзя было понять.

— И что же ты можешь мне предложить? Смерть?

В этом слове звучал вызов, но и любопытство. На что она была похожа? Вечное путешествие по непроглядной тьме – первое, что пришло на ум. Это странствие казалось таким же изнурительным, как и сама жизнь. Выходит, это одно и то же? Неужели это – единственное, что у меня осталось?

Девушка покачала головой, — Нет же. Ты можешь остаться со мной.

— С тобой? Так просто?

— А что в этом сложного? — удивилась девушка.

— Но ведь мы совсем не знакомы. Что, если я опасен?

Её предложение вызывало множество вопросов. Не то чтобы я представлял опасность... Нет, не так. Вероятно, сейчас, я вообще ничего из себя не представлял. Но мне были совершенно не ясны её мотивы, как в прочем и собственные.

— А ты опасен? — она чуть склонила голову, внимательно глядя на меня.

Я был сбит с толку её простотой и беспечностью. Даже если мы оба знали ответ на этот вопрос, я всё ещё оставался парнем, верно? Ну, наверное.

— Ну... нет... Я не думаю... Но что мы будем делать?

Её взгляд казался совершенно пустым, словно два зеркала, что отражали только то, что находилось перед глазами. Как бы я не пытался заглянуть глубже, всё, что я мог видеть, это собственное отражение. Это чувство отчуждения проникало в каждую клетку моего существа, заставляя меня задуматься, а смогу ли я когда-нибудь пробиться сквозь этот лёд, если останусь? Или же я просто поскользнусь и упаду?

— Я не знаю, — она покачала головой.

— Не знаешь? — повторил я.

— А это важно? Мы просто будем... вместе.

"Вместе?" Это слово эхом пронеслось в моей голове, заставив моё тело на мгновение замереть. Может ли быть, что эта девушка просто чувствовала себя одинокой? Был шанс, что она просто хотела с кем-то поговорить, а не заниматься набором кандидатов в героев нового мира.

Устраивает ли меня такое объяснение? Возможно. По крайней мере, я хотел бы, чтобы это оказалось правдой.

— Скажи, — нарушив тишину, начала она, — вы, люди, всегда считались одними из самых амбициозных существ. Почему ты не хочешь отправиться в новый мир? Как же твои мечты, стремления, неоконченные дела?

— Хм... сложно объяснить.

— Попробуй, — мягко подтолкнула она.

— У меня... их попросту нет.

— Нет? — её голос звучал спокойно, но с ноткой недоумения.

— Работать, чтобы жить и жить, чтобы работать, — усмехнулся я, обнажая зубы в кривой улыбке, — Вот и всё. Никаких великих целей или мечтаний. Я просто хотел освободиться от всего этого... стать свободным.

— Свободным? Что для тебя значит свобода?

Её вопрос навалился на меня, словно оползень. Мои плечи невольно опустились, а губы приоткрылись, но слова застряли где-то в гортани. Что же я искал?

Будет ложью сказать, что я об этом не задумывался. Но сколько бы я ни задавал себе этот вопрос, ответ так и не приходил. Свобода от чего? От обязательств? От людей? Или от себя самого?

Я хотел свободы больше всего на свете. Ради неё, я был готов оставить всё, чем я дорожил, но теперь... теперь, мне казалось, что я вовсе не знал, что это такое. Чего я хотел? Полной независимости? Спокойствия? Или просто ухода от того, что связывало меня раньше?

— Когда мечтаешь о чем-то, думаешь, что это может изменить твою жизнь. Но потом понимаешь, что даже исполнение мечты не приносит покоя. Тебя подталкивают не останавливаться на достигнутом и стремиться выше. Гонят вперед, как лошадь под шпорами, не давая остановиться... Знаешь, мне было бы легче, если бы я не знал, что мечты могут сбываться... Возможно, для меня, свобода – это избавиться от этого света, что обманчиво привлекает в свои цепи, но, я уже не уверен в том, как она на самом деле для меня выглядит.

— Понятно.

Так мы начали сосуществовать в этом скромном пространстве. Её постоянное молчаливое присутствие, с редкими заявлениями, постепенно стало неотъемлемой частью моей повседневности. Постепенно я понял, что она стала важной частью моего существования. Сколько же времени уже успело пройти с тех пор, чтобы это произошло? Честно говоря, сейчас уже и не вспомню.

Внешне, она выглядела как девушка, но кто это на самом деле? Этот вопрос меня не слишком волновал в начале. Моё внимание было сосредоточено на собственных терзаниях, и пока мой путь закрывали тернии, я не замечал никого вокруг. Теперь же, возвращаясь к началу, возможно стоит начать с её внешности. Это было то небольшое, в чём я мог быть уверен. Или, по крайней мере, я так думаю.

— Я девушка, — неожиданно заявила она, продолжая смотреть в никуда.

— А? — её заявление побудило меня повернуться к ней, — Да, понятно. Конечно, — пробубнил я.

Мой мозг уже перестал реагировать на её неожиданно точные комментарии. Будет вернее сказать, что он начал воспринимать их как нечто само собой разумеющееся. Словно на чтобы я не отвлекался или где бы не находился, мой голос всегда был способен достичь её. Это было удобно и не удобно одновременно.

Дни пролетали в один миг. Хоть картинка за окном не менялась, мои биологические часы уверяли меня, что время продолжало идти. Я так и не узнал имени девушки, и пускай она наверняка знала моё, я ей так же не представлялся. Но так ли важно знать чьё-то имя? Зависит от ситуации, я думаю.

Находясь наедине, словно на необитаемом острове, не учитывая бесед с самим собой, становилось очевидно кто к кому обращается. Впрочем, с того момента, нам не удавалось завести длительную беседу. Это ведь нормально, да? Хотелось бы верить.

Расположившись на диване, раскинув ноги и руки в стороны, как морская звезда, я задумался. Кем мы друг другу приходимся? Никем – самый логичный вывод, как мне кажется. Два посторонних персонажа, которые по стечению обстоятельств, оказались запертыми в одной комнате.

Может ей некомфортно в моём присутствии? О чём это я? Конечно же ей некомфортно. В то время, как я переместился в гостиную, она так и не сдвинулась с места, замерев на стуле. Я бы принял её за андроида с разряженным аккумулятором, но откуда взяться синтетическому организму в таком месте... где бы я не был.

— Послушай, эм... ну... кхм, — начинать разговор первым оказалось сложнее, чем я думал.

— Да? — она обернулась ко мне.

— Ничего, что я тут развалился на диване, пока хозяйка ютится на стуле? — неловко спросил я, почесав свою щеку.

— Нет, всё в порядке, — заверила она.

— Понятно.

— Да, — подтвердила девушка.

Поддерживать беседу оказалось не легче, чем собрать монохромный пазл. Очевидно, я знал это. И в лучшие времена мне с трудом удавалось поддерживать беседу. Но что насчёт неё? Может ли быть, что мы с ней похожи и именно поэтому нам с трудом удастся вести диалоги?

Возможно причина крылась в нас?

Я повернул лицо в сторону окна, где меня встретил неизменный пейзаж. Мягкий свет от лампы, ласкал мои глаза, навеивая дремоту, но сколько бы раз я не пытался заснуть, попытки не увенчались успехом.

Лишившись повседневной рутины, течение времени казалось более монотонно прежнего. Я чувствовал, что должен развеять неловкое молчание возникшее между нами, но чувство скованности, ограничивало мои способности. Ещё никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным.

— Тебе не нужно ничего говорить.

— А... Я... Хах. "Верно, в отличие от меня, ты можешь читать мысли", — подумал я.

— Верно, — она кивнула.

Она действительно это подтвердила? Так просто?

— Не то чтобы, находясь у тебя в гостях я в праве такое говорить, но это не очень-то вежливо.

— Мне так легче понять тебя. Ты против?

— Не то чтобы против, но вдруг я начну думать о неприличных вещах?

— Каких? — удивилась она, или же, мне так показалось.

— Представлять тебя без платья, например, — ответил я, невозмутимо вскинув рукой.

— Сомневаюсь, что ты сможешь увидеть там что-то новое.

Её голос звучал так же спокойно, как и прежде. Ни одна мышца на её лице не дрогнула. Неужели её совсем не смущает находится в одной комнате с таким извращенцем? Ой, стоп. Это не то, что я имел ввиду.

Не то чтобы я хотел увидеть её без одежды, но я определённо не согласен, что у нее не на что посмотреть. Её фигура была стройной и изящной, с лёгкими очертаниями бёдер, которые придавали определенную грацию. Её грудь была скромных размеров, но этого было более чем достаточно для меня. Это лишь добавляло ей утонченности.

Нет, я точно не хочу видеть её обнажённой. Как я смогу после этого смотреть ей в глаза? Но мои мысли, словно поддаваясь запретному желанию, предательски рисовали её образ так, будто её платье стало почти прозрачным, открывая взору больше, чем позволено.

Я ощутил, как жар охватил мои щеки, словно огонь вспыхнул внутри меня. Сгорая от смущения, я поспешно зарыл лицо в ладони. "Я ведь не извращенец, — убеждал себя я. — Как я могу так о ней думать? Это ведь дико, это неправильно..."

Снова взглянув краем глаза на девушку, что спокойно сидела на своей месте, я почувствовал, как стыд захлестнул меня с новой силой, обжигая до самых ушей. Здравый смысл, казалось, медленно ускользал, оставляя вместо себя неуместные образы и фантазии. Не смотря на все попытки перебороть себя, мой внутренний голос, казалось, уже смирился с судьбой извращенца.

— Понятно, — кивнула она, её тон оставался ровным, почти безразличным.

— Нет, нет, это не то... — мои глаза расширились от ужаса, голос дрожал.

Она отвернулась, её взгляд скользнул в сторону, словно это был незначительный момент, не стоящий внимания.

— Не думай об этом слишком усердно, — спокойно произнесла она.

Её слова ударили меня сильнее, чем я ожидал. Словно ножом по живому, они рассекли мою самооценку, оставляя меня беззащитным перед лицом собственного унижения. Я был жалок. Желание скрутиться в клубок и исчезнуть стало почти невыносимым, но убежать было некуда.

Прошло не мало времени прежде, чем я смог обуздать чувство стыда. Я сидел, поджав колени к груди, как напуганный зверёк, прячущийся в своей норе. Это был единственный момент, когда между нами было нечто общее – внешняя схожесть с безмолвной статуей. Только в тишине и неподвижности я находил хоть какое-то подобие покоя.

— Позволь мне показать тебе кое-что.

Я поднял голову, взглянув на неё с недоумением. Её слова звучали неожиданно, почти нереально. Она хотела показать мне что-то? Но что это могло быть? Я несколько раз моргнул, пытаюсь убедиться, что не ослышался.

— Показать кое-что? — осторожно переспросил я.

Она кивнула, добавив спокойно: — Место.

Её способность так легко и непринужденно разрушать моё хрупкое равновесие была почти удивительной. Очевидно, что первая мысль, промелькнувшая в моей голове, не имела ничего общего с реальностью, и я быстро отбросил её. Но у меня возникало чувство, словно она нарочно играет со мной.

— К-конечно, з-звучит здорово, — проговорил я, чувствуя, как мой голос предательски дрожит.

Она поднялась с места, её движения были грациозными, почти танцующими, оставляя за собой тоже впечатление, словно она парила над землёй. Взмах подола её платья, лёгкий шелест ткани – всё это придавало её шагам неуловимую магию она приблизилась ко мне, протягивая руку. Её пальцы были тонкими, изящными, словно лепестки цветка, который вот-вот раскроется навстречу солнцу.

Я замер на мгновение заворожённый её спокойной уверенностью и мягкостью движений. Медленно, словно опасаясь разрушить этот хрупкий момент, я протянул ей руку в ответ. Её ладонь была теплой и мягкой, как шёлк, скользнувший по моей коже. В этом прикосновении было что-то успокаивающее, что-то светлое и холодное одновременно.

Вмиг, когда наши руки сплелись друг с другом, мир вокруг нас закружился, словно мы оказались в самом центре вихря. Цвета, которые раньше были четкими и различными, начали расплываться, сливаясь в глубокое, бархатное индиго, словно небесная вуаль опускалась на нас. Ночное небо развернулось перед нами, усеянное бесчисленными звёздами, мерцающими, как россыпь драгоценностей. Сильные порывы ветра, возникшие из ниоткуда, пронесли мимо, лаская кожу и пробираясь сквозь одежду, как будто пытаюсь нас настичь.

Я замер, в попытке вдохнуть этот неожиданно свежий воздух, но лёгкие оставались пустыми. Всё вокруг казалось миражами, обманчиво прекрасными и пугающими одновременно. Каждый вдох был напрасной попыткой схватить неуловимое, и я не могу понять, почему это происходит.

Мы стояли посреди кристально чистого водоёма, его поверхность мерцала, отражая звёздное небо, словно бескрайнее зеркало. Дно было видно даже при тусклом ночном свете — мелкие камни и водоросли покачивались в воде, создавая ощущение спокойствия. Вокруг нас возвышались горные хребты, их силуэты мягко сливались с горизонтом, а леса на склонах шептали на ветру, дополняя картину таинственной гармонии. Берега чередовались между скалистыми утёсами и пологими спусками, ведущими к песчаным пляжам.

Ветер развеивал мою футболку, её ткань поднималась и трепетала, как парус, готовый поймать попутный ветер и унести меня в неизведанное. Каждый порыв воздуха окутывал меня, заставляя чувствовать себя легче, словно я мог парить над этой безмятежной водной гладью.

Под ногами растягивалась иллюзия огромного аквариума, и, переступая с ноги на ногу, я чувствовал, как мои движения сливаются с ритмом этого волшебного места.

Этот момент пленял своей красотой и спокойствием. Всё вокруг казалось вырванным из самого сердца снов — настолько нереальным, но в то же время таким живым и настоящим.

— Что это за место? — с восхищением спросил я.

— Одни называют его Лунным озером, другие — Проклятым. Всё зависит от того, кто смотрит. Для одних оно — место силы и чудес, для других — напоминание о потере и боли.

Её голос стал тише, с оттенком горечи, которая скользнула незаметной тенью:

— Но для меня... это место рождения Луны. Здесь она впервые появилась, осветив мир своим светом. Здесь же она и исчезла.

Наши взгляды снова встретились, но в глубине её глаз отражалось небо, полное звёзд, и что-то ещё — грусть, укрытая под слоем спокойствия.

— Ты можешь дать ему своё имя, своё значение. Потому что для каждого оно станет своим.

Не знаю почему, но мне казалось, что она выглядела обеспокоенной. Её глаза были чуть расширены, губы приоткрыты, словно она опасалась вывода, к которому я мог прийти. Было очевидно, что это место дорого ей. Её взгляд говорил об этом громче любых слов.

Глядя на этот таинственный пейзаж, я не мог не признать его силу. Здесь, в окружении звёздного сияния и под безмолвным надзором луны, я ощущал странное умиротворение. Словно невидимые потоки воздуха могли поднять меня в небеса, освободив от земных уз.

— Я не знаю, что здесь произошло, но... Мне кажется, название Лунное озеро идеально подходит этому месту, — произнёс я, глядя в никуда, в целом, — Независимо от того, что чувствует каждый, кто смотрит на него, эта водная гладь, отражающая мириады звёзд и нежный свет луны, не может не завораживать, — мягко улыбнувшись, я вернул взгляд к девушке.

— Правда? — её голос прозвучал с ноткой облегчения, но было в нём что-то ещё...

В тот миг, когда она впервые мне улыбнулась, моё дыхание перехватило. Не то чтобы я в принципе мог дышать, но ощущения были такими же, как если бы воздух внезапно исчез. Казалось, её прежний ледяной облик осыпался, как песок, и на его месте начал расцветать прекрасный цветок. Он пускал свои корни глубоко в моём сердце, заполняя его теплом и светом.

— Я действительно люблю это место, — спрятав руки за спину, произнесла она.

— А, д-да, я понимаю, — почесав затылок, ответил я.

Этот волшебный пейзаж вновь пробудил во мне давно забытую детскую мечту — путешествия. В юности, всё было просто: мне было достаточно следовать за родителями, чтобы открывать для себя новые горизонты. Но с возрастом всё изменилось. Я заперся в четырёх стенах своей квартиры, довольствуясь лишь короткими передышками от суеты и рутины.

Было так много всего, чего я не мог сделать, пока жил. Работа поглощала все силы и время, а редкие свободные минуты утратили свою ценность, превращаясь в нечто серое и бессмысленное. Как чаще всего и бывает, на смену путешественнику пришел обычный офисный служащий.

— Пойдём, это не всё, что я хотела тебе показать, — сказала девушка, протягивая мне руку.

Я опустил взгляд на её ладонь, затем на свою. Поглощённый красотой окружающего мира, я даже не заметил, когда наши руки разъединились. Сжимая и разжимая пальцы, я осознал, что утратил ощущение её тепла. Может, это была лишь игра воображения?

Под вечерним небом мы двинулись на запад, а может на восток. Признаться, я никогда не был силен в определении сторон света. Раньше мне хватало взглянуть на экран смартфона и следовать его указаниям. Но теперь, без всяких устройств, я следовал за своей путеводной звездой — её ладонью, крепко сжимающей мою, ведущую меня сквозь неизвестность.

Я посмотрел вниз, на свои ноги, оставившие едва заметные следы на водной глади, которые быстро исчезали, будто никогда и не существовали. Вода под нашими ногами, казалась необъяснимо твердой, словно мы шли по стеклянному мосту. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь лёгким всплеском волн где-то вдали.

Впереди, у подножия одной из гор, виднелась тёмная дыра, окружённая выжженной местностью. Из угольно-черной земли поднимались клубки дыма, завиваясь в воздухе словно призрачные змеи. Я прищурился, пытаюсь понять, как мог не заметить этого раньше.

Как, а главное, когда она там образовалась?

Мы остановились у её края, и я почувствовал, как рука девушки слегка дрогнула. По одному лишь виду стало ясно, что это место не вызывает приятных ощущений ни у одного из нас. Она посмотрела на меня, её глаза блестели в свете луны. Но даже ему не удавалось полностью перекрыть чувство тоски, что скрывалось в её взгляде.

Кажется, я начал немного лучше её понимать, не так ли?

— А это... Откуда это здесь? — спросил я, указывая пальцем на дыру.

Уголки её рта едва заметно дёрнулись, когда она приложила палец к своим губам. Я кивнул и осторожно шагнул, следуя за девушкой. Узкая расщелина встретила нас безмолвием, глухим и давящим, будто само пространство вокруг перестало существовать. Я крепко держал её за руку, пока мои глаза медленно привыкали к темноте.

Стены, влажные на ощупь, но лишённые обычной прохлады, поблёскивали в мерцающем свете, отражённом от чего-то невидимого. Выступающие камни, будто хаотично разбросанные ступени, служили нашими единственными опорами. Лишь звуки случайно сорвавшихся камешков, разлетевшихся эхом, разбивали это странное молчание.

Долго спускаясь вглубь, мы наконец вышли к краю обрыва. Он разверзлся перед нами, как огромная пасть, поглощающая всё вокруг. Громкий рёв воды бьющейся о скалы, обрушивался на уши, создавая лёгкое головокружение. Водопады, что ещё мгновение назад сливались в зеркальную гладь озера, теперь исчезали во тьме, лишённой дна и конца.

Здесь всё выглядело неестественным. Бездонная яма, словно след от меча гнева древнего Бога, зияла чёрной пустотой, как незаживающих шрам. И глядя в неё, словно в глаза самой бездны, мои колени тряслись от ужаса.

— Вот почему его называют Проклятым озером, — казалось, её губы шевелились безмолвно, но звук её голоса беспрепятственно достигал меня.

— Но как? Почему? — надрывая голос, кричал я, чтобы она могла меня услышать.

— Не кричи, я тебя прекрасно слышу, — она усмехнулась, слегка наклонив голову, — Грех присущ не только людям... В конце концов они лишь подобие Богов, — её глаза задержались на пустоте перед нами, — То, что ты видишь, результат предательства и обмана. Эти чувства оставили одинаковый след, как в земле, так и в сердце.

В сердце? В чем? Был ли сейчас подходящий момент об этом спрашивать? Это заставило меня задуматься, но в итоге, я решил не думать над этим слишком усердно.

— Мне жаль.

К этому моменту, я больше не надрывал голос. И хоть я едва мог разобрать собственные слова, девушка, кажется, меня хорошо слышала.

— В этом нет твоей вины. Независимо от наших желаний, всё вокруг меняется.

— Я понимаю.

Теперь, чтобы внести ясность, её голос не достигал моих ушей. Он скорее исходил из моей головы, как тихий шёпот порожденные собственным воображением. Такой близкий и далёкий одновременно.

— А что насчёт тебя? Какое место ты бы назвал особенным?

— Хм?

Я провёл рукой по затылку, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, что можно было назвать особенным. Но сколько бы я не пытался, в голове всплывали только однообразные сцены из офиса и квартиры. Стук клавиш клавиатуры, монотонно отбивающий ритм рабочего дня. Звук открывающиеся банки энергетика, напоминающий о неоплачиваемых сверхурочных. Шелест бумаг, которые казались бесконечными, словно горизонт, чьего конца никогда не достичь.

Каждое утро начиналось с одного и того же. Я поднимался, готовил кофе, ехал в офис, садился за стол и погружался в работу. Звонки, совещания, документации, отчёты. Вечера ничем не отличались — тот же диван, тот же экран телевизора, тот же едва заметный шум из открытого окна.

Казалось, даже сейчас я мог в деталях восстановить в своей памяти нравоучения от начальства, каждую критику и напоминание о сроках, которые уже давно стали частью фона, словно старое радио, настроенное на одну и ту же волну.

Ничего особенного. Ничего, что заставило бы сердце биться быстрее или голову подниматься от стола. Всё сливалось в одну серую массу, которая тянулась день за днём, год за годом.

Могу ли я называть это "особенным"? Нет. Определено нет.

— Я не думаю, что у меня есть подобное.

— Нет? — удивилась девушка.

— Когда-то давно, я побывал во множестве красивых мест, но... Едва-ли они стали для меня особенными, если я даже не могу вспомнить ни одно из них.

— Неужели?

— Почему ты спрашиваешь?

— Действительно, почему?

Она приложила пальцем к уголку рта, загадочно смотря вверх. Её взгляд выглядел игривым, но в нём было что-то ещё. Пускай она говорила уверенно, я всё равно не мог ничего понять, словно мы говорили на разных языках.

Я невольно склонил голову, пытаюсь разгадать эту загадку. Но сколько бы я не прилагал усилий, за деревьями леса не видеть. Вместо этого, я заметил, как сильно изменилось её поведение с момента нашей первой встречи. То, как много она говорила, то, как двигались её губы изображая улыбку или тоску и то, как расслабленно она двигалась. Да, она определено изменилась.

Я бы мог назвать её более открытой, но это было не до конца правдой. Казалось, она скрывала ровно столько же, сколько и открывала.

— О, ты это заметил, не так ли? — усмехнулась девушка, — Тогда почему ты этого не замечаешь за собой?

— О чём ты? Я не понимаю, — её слова всё больше и больше вводили меня в замешательство.

— Ты заставил себя поверить в то, что ты достаточно открытый, честный человек, — её слова звучали спокойно, но я почувствовал, как внутри что-то напряглось, — Но так ли это? Действительно ли ты веришь, что люди теряли к тебе интерес потому, что ты был скучным?

Дело было не в том, что именно говорила девушка, а скорее в том, почему? Я не знал, что ответить, а может просто не хотел. Хотя её голос звучал спокойно, в нём был какой-то скрытый упрек, от чего мне становилось не по себе. Почему она говорит об этом? Какое это имеет отношение к делу? Я ничего не понимал.

— А может, твоя "честность" была лишь маской? Незримой стеной, которую ты выстроил, чтобы никто не смог копнуть глубже.

Она тихо закрыла глаза, будто что-то вспомнив. Даже в темноте ночи я видел, как раздражённо опустились её плечи. Пока она плавно распахивала глаза, мой язык вырисовывал круги во рту, отчаянно ища подходящие слова. Это было сложно объяснить, но с каждым движением её век, я чувствовал, будто мой желудок скручивался в узел.

— Чем шире твои объятия, тем проще тебя распять, и потому ты предпочёл обвить руки вокруг себя, — наконец продолжила она, безучастно глядя, будто сквозь меня, — Скрываясь в углу своей квартиры, дрожа от страха, что весь мир против тебя. Это ли та свобода, о которой ты мечтал?

Её слова, одно за другим, обрушивались на меня, как снежная лавина: такие же холодные, тяжёлые и безжалостные. Она отвела взгляд, повернувшись к пропасти, а её длинные белоснежные волосы, разметаваемые на ветру, напоминали трещины на льду. Воздух вокруг нас стал таким же ледяным, как её голос.

Мы никогда не были особенно близки, но сейчас расстояние между нами казалось непреодолимым. Всё, что я думал, понимал, или, может быть, хотел понять о ней, рассыпалось в прах.

Чтение мыслей само по себе было пугающим, но теперь я чувствовал, что она видела гораздо глубже, проникая в самую душу. Я был словно клочок бумаги в её пальцах, который вот-вот может быть разорван.

— Почему... Почему ты всё это мне говоришь?

Она снова посмотрела на меня через плечо, слегка прищурив глаза, в которых смешались холод и тепло. Казалось, и лето и зима сблизилось одновременно.

— А сам как думаешь? — Её голос прозвучал почти мягко, но от этого не становилось легче, — Здесь только мы двое — двое в этом иллюзорном мире. Если тебе хочется и дальше прятаться в своём углу, я не стану тебе мешать. Но если ты хочешь большего, тебе придётся изменить многое. В себе. Во взгляде на меня. На весь мир. Иначе мы останемся такими же, как два застывших каменных изваяния, близко и далеко одновременно.

Она продолжала пристально смотреть на меня, от чего по телу пробежал холодок. Я чувствовал, как по моей спине стекали призрачные капельки пота. Подсознательно я разделял её мнение, но этого, очевидно, было недостаточно. Я всегда думал, что время на моей стороне. Но, похоже, её терпение не простиралось в вечность.

— Изменения не происходят по щелчку пальцев, ты знаешь, — пробормотал я.

Она склонила голову чуть на бок, её улыбка была тонкой, почти насмешливой.

— Не переживай, я готова ждать, пока ты меняешься, но не пока ты думаешь.

Следующие несколько мгновений, я размышлял об этом, но ничего вроде уверенности, так и не зародилось во мне. Однако ведомый страхом, то ли чём-то ещё, мне не оставалось ничего другого, кроме как согласиться.

— Тогда, сделай первый шаг. Покажи мне место, которое тебе дорого.

Она протянула мне руку прежде, чем я успел дать ответ. Я смотрел на её ладонь, словно она протянула мост над пропастью.

"Скажи мне кто твой друг, и я скажу, кто ты." Кажется, она руководствовалась чем-то похожим. Прося показать ей дорогое место, она словно требовала доказательства того, что я действительно собирался меняться. Вот только...

— Я... Я правда не уверен...

Она опустила голову, качая ей в стороны, — Пока камень не пнешь, он не сдвинется, да?

— Хм?

Она схватила меня за запястье и, ни дав ни секунды на протесты, откинулась назад, утягивая меня в пропасть.

Подобие воздуха вырывалось из моих лёгких коротким вскриком, а затем всё поглотила тишина. Шум воды, что ревел вокруг нас, вдруг оборвался, будто мир замер, задержав дыхание. Мы падали, и я чувствовал, как моё мёртвое сердце, судорожно забилося где-то из глубин, подступах к горлу.

Под нами зиял мрак, холодный, густой, словно чернила, что растворились в воздухе. Я пытался разглядеть хоть что-то — дно, контуры стен, хоть малейший проблеск света. Но всё, что открывалось моим глазам, мягкий след светящейся пыли, оставленный волосами девушки.

Холод резал кожу. Каждая секунда была пропитана липким страхом: а что, если дна вообще нет? Что, если мы будем падать вечно, медленно исчезая, пока не останется ничего?

Её рука, державшая моё запястье, была единственной реальностью, за которую я мог зацепиться. Казалось, она вовсе не боялась. Как будто эта пропасть для неё была всего лишь домом, а падение — возвращением.

"А что, если мы всё-таки достигнем дна?"

Я представил удар, который разорвёт тело на части. Представил, как тёмная вода поглотит нас, утаскивая в своё дно. Но что, если только меня? Что, если смерть, в очередной раз, угрожает только мне одному? Жгучая, болезненная и совершенно не похожая на сон.

— Ты что... делаешь? — мой голос прозвучал глухо, будто его поглотило окружение.

Многое оставалось не сказанным, многое оставалось без ответа. И, как и ожидалось, она не ответила. Лишь на мгновение повернула голову, и в её глазах не было ничего — ни страха, ни сомнений. Только холодный, пугающий покой.

Я пытался не думать. Пытался не чувствовать. Но чем больше пытался, тем больше ощущал, как ужас проникает внутрь, путешествуя по венам до кончиков пальцев.

И вот, где-то на краю сознания, зародилось смирение: а что, если это и есть дно? Что, если я уже разбился, и теперь только падаю глубже, оставляя позади то, что когда-то было мной?

Последний раз взглянув в спину девушки, я слабо улыбнулся, медленно закрывая глаза. Не то чтобы это что-то в корне меняло, но так мне почему-то было спокойнее.

И вдруг... пение птиц?

Том 1 Глава 2: За пределами привычного вчера — рождается чужое завтра

Тихое, мелодичное, оно вспыхнуло из ниоткуда и отовсюду одновременно. Я резко раскрыл глаза. Передо мной раскинулась знакомая деревня — выцветшая временем, но до боли родная.

Мы прибыли в дом моих бабушки и дедушки.

Он стоял в глубине сада, залитый мягким, рассеянным светом луны. Даже в лучшие времена эта деревня не отличалась яркостью, а ночью и вовсе растворялась в тених. Но сегодня я видел все так ясно, будто лунный свет специально высветил каждую деталь. Каждую травинку у порога, каждый узор на стенах, каждую тёмную щель в старых деревянных досках.

Я сделал шаг вперёд. Гравийная дорожка отозвалась знакомым хрустом, эхом проносясь по пустынному участку.

Серую крышу собачьей будки скрывали ветви молодого дерева, но я знал, что она там, рядом с недостроенным кирпичным зданием. Миски для животных стояли на том же месте у двери — с недопитой водой и остатками корма. Всё было точно так же, как я это запомнил.

За исключением одного.

Меня никто не ждал.

Собачья цепь распласталась на гравии, лишившись своего носителя. Остатки в миске больше напоминали пластиковый наполнитель, чем настоящий корм и воду. А птицы... их голоса звучали искусственно, слишком чётко, слишком повторяющееся, словно пластинка.

— Говорят, у людей перед смертью проносится вся жизнь: сожаления о несделанном, упущенном и то, что они не хотят отпустить.

— Выходит, ты знала о чём я думал перед смертью? Тогда для чего был этот спектакль?

— Я надеялась, что ты поделиться со мной по собственной воле. Но вместо этого ты смирился со смертью.

Призраков не существовало. Всё это — лишь вспышки памяти, оживающие перед глазами. Те, кто утверждали, что слышали голоса умерших, видели лишь обман своего разума, цепляющегося за прошлое. И я тому не исключение.

Стоя здесь, среди руин своих воспоминаний, я почти мог поверить, что вот-вот откроется дверь, и бабушка выйдет на крыльцо с фонариком в руке, готовая встретить меня у ворот после поздней прогулки. Что Кайдо сорвёт с места, громяхая цепью, проверяя, кто ходит по двору. Как следом меня отчитает мама, с каким восторгом меня встретит младший брат, и как просто посмеётся дедушка со всего происходящего. Я всё это вижу, слышу.

Но что значит это место без них? Было бы оно мне дорого, если бы здесь не осталось их следов? Сомневаюсь.

— Видишь ли, это место действительно было для меня особенным, как и многие другие. Но не само по себе. Его делали важные люди — родные, друзья, все, кто был рядом. Будет ложью сказать, что я всегда хотел быть один...

Девушка спрятала руки за спину, взглянув на небо.

— Понятно, — тихо сказала она, — В этом есть смысл.

Следующий час или около того, было потрачено на исследование мест, которые я хорошо запомнил. Те же, что не отложились в памяти, были заполнены чем-то смутным — либо фантазией девушки, либо моей собственной. Я не был уверен, если честно.

Дома, которые я знал, стояли там, где им и полагалось быть — с облупленными заборами, выцветавшими ставнями. Остальные же, сотканные из догадок, выглядели поддельно, будто срисованные с детского рисунка.

Если кто-то захочет пошутить, что автором этой чудаковатой архитектуры был я, то нет, спасибо большое, я вполне неплохой художник.

Иногда перед нами вдруг появлялся фонарь, которого я не помнил, или резная лавочка у пустого перекрёстка. Эти детали возникали сами собой, и я не мог сказать, кто их придумал.

Дорога была совершенно пустой, что неудивительно — кроме нас двоих здесь некому было ходить или ездить. Но даже там, где в моих воспоминаниях её не было вовсе, где люди садились в машины прямо на грунтовке, сейчас тянулось идеально ровное шоссе. Не асфальтированное, нет, — скорее нарисованное бледными линиями прямо поверх земли.

Мы шагали по этой мёртвой дороге, и каждый мой шаг был единственным звуком, сопровождающим нас. В какой-то момент, уже и не вспомню какой, птицы прекратили своё пение, а следом за ветром стих и шелест листьев. Конечно, выходя за калитку, у меня был определенный пункт назначения, но что это было и где находилось, уже было забыто.

Я так и не решился войти в дом. Не то чтобы это что-то изменило бы, но... Думаю, я боялся. Боялся того, что мог там увидеть. Или, скорее того, чего мог бы уже не увидеть.

Мы бродили по безлюдным улицам и разговаривали — наверное, впервые так много. Её голос звучал так же легко, как и походка. Мне показалось, девушка не слишком вписывалась в атмосферу деревни. Она выглядела слишком... вычурной, что-ли. Я же, похоже, мог вписаться куда угодно: в городской толпе я бы затерялся, а здесь просто бы не бросался в глаза. Но это не значило, что ей здесь было не место. Напротив, сейчас, помимо луны, она была самым ярким существом в этом призрачном мире. Настолько ярким, что одной её ясной, теплой улыбки было достаточно, чтобы мне хотелось запомнить каждый миг, проведенный с ней.

Наверное, это одно из преимуществ, быть красивой. Хм, или же это я настолько простодушный?

В конце концов мы дошли до дамбы, откуда началось небольшое озеро. В своё время о нём ходило множество нехороших слухов, но даже это не мешало нам в нём плавать. Сейчас вода казалась идеально гладкой, но в отличие от Лунного озера, дна здесь не было видно — слишком мутное.

— Думаю, теперь я готов, — я окинул взглядом окрестности прежде, чем посмотреть ей в глаза, — Те места, что уже однажды утратили свою важность, смогут обрести её снова, если ты будешь со мной.

Когда она повернулась, я почувствовал запах чего-то знакомого. Теплый, успокаивающий аромат, который я никак не мог вспомнить. Единственное, что я знал — от него становилось спокойно и приятно на душе. Но, наверное, это было не важно. За всё это время мои ноздри впервые уловили хоть что-то и причиной была она.

— Вот как? Тогда, наверное, мне не стоит идти вместе с тобой.

— Э? Стой, но почему? — запаниковал я.

Она хмыкнула.

— Просто шутка, — как ловко ей удавалось выбивать почву из-под ног всего одной фразой. — Тебе не кажется, что это невежливо — залечивать свои травмы за мой счёт?

— Нет, погоди, я совсем не это имел в виду! — я замахал руками, оправдываясь.

— Хмпф, понятно.

Что она хотела этим сказать? Без понятия. Поверила ли она мне? Маловероятно. Правда ли я пытался воспользоваться её добротой? Возможно. В конце концов, ей виднее.

— Прости, если обидел тебя. Я был слишком глуп, чтобы подумать, прежде чем говорить, — я склонил голову в знак извинения.

Она опешила. Глаза широко раскрылись, но в следующий миг её передёрнуло от смеха. Девушка схватилась за живот, покачиваясь взад-вперед, а затем, вытирая одинокую слезу, с улыбкой выдохнула:

— О боги, что это за жалкий вид? — она рассмеялась ещё громче, — Не будь глупцом, я ведь правда просто пошутила. Разве... разве не для этого нужны друзья?

Она сделала неясный акцент на слове "друзья", прежде чем её губы разошлись в широкой, ласковой улыбке. Мне ничего не оставалось кроме как сдаться и улыбнуться ей в ответ.

— Тогда пойдём, — сказала девушка.

Она закружилась, словно опавшие листья, подхваченные ветром, и двинулась в путь. Она шла, будто подпрыгивая, и казалось, что в любой момент могла начать парить над землёй. Может сейчас она была счастлива?

Я смотрел, как её волосы взметнулись, затем мягко легли на плечи. Той светящейся пыльцы нигде не было, и теперь они выглядели вполне обычно. Красиво, но обычно. Интересно, как это работало?

— Куда?

Она чуть склонила голову, будто озадаченная вопросом.

— Хм? Разве не очевидно? На станцию.

Очевидно? Нет, это было совсем не очевидно. Какая ещё станция? Здесь никогда её не было. Хм... только если автобусная, в каком-то смысле.

— Нет, нет, нет, — она повернулась, чтобы помахать пальцем перед моим носом, — Мы воспользуемся поездом.

Зная о способностях девушки, я не сомневался, что она говорила серьёзно. Вопрос был только в том — где и как он должен появиться?

Я следовал за девушкой, пробираясь через узкие переулки, где стены домов сжимались, оставляя лишь тонкую полоску неба. Свет фонарей не доходил сюда, но луна всё равно находила путь, очерчивая блеклую дорожку под нашими ногами. Эти здания находились слишком близко друг другу и мне казалось, что это место всё больше поддавалось воображению. Но я так и не мог понять, кому оно принадлежало.

Сначала это были всё те же дома, которые я помнил: с облупленными фасадами, кривыми заборами и окнами, из которых больше никто не выглядывал. Но чем дальше мы шли, тем выше становились стены, а улицы шире. Обычные дома сменялись двухэтажными, затем трехэтажными. В какой-то момент, я заметил, что мы шли вдоль каменных заборов, а когда поднял голову — увидел над нами окна многоэтажек.

Когда это произошло? Я не заметил. Как и то, что позади больше не было деревни. Место, из которого мы выдвинулись, теперь заполняло множество многоэтажек и магазинов. Всё случилось так плавно, что казалось — так было всегда.

Это было так же неумовимо, как смена времён года. Вчера деревья ещё стояли в густой зелени, а сегодня их листья уже лежали под ногами.

По пути нас приветствовали вывески кричащих оттенков. Надписи на них были на неизвестном мне языке, но, по какой-то причине, я без труда их понимал. Их странные названия вызывали у меня вопросы, но я не решался спрашивать.

Наша связь с ней была слишком хрупкой, чтобы я мог допытываться. Напротив, я мог быть лишь допытываемым. Иногда мне казалось, что малейший порыв ветра мог разнести нас в стороны.

Я шёл по тонкой верёвке над рвом с крокодилами. Стоило мне замешкаться — и девушка, даже не моргнув, разразила бы землю под ногами. Наши отношения не позволяли мне чувствовать себя в безопасности. Буквально.

Я поднял голову, когда почувствовал на себе её взгляд. Она прищурилась, глядя через плечо. В этом взгляде было холодное, почти презрительное спокойствие. От него по моей спине

пробежал озноб. Я попыталась улыбнуться, но, прежде чем губы разошлись, она уже отвернулась.

Кажется, она всё слышала, да?

Прости.

Тот короткий отрезок времени, пока мы шли, я шёл, стараясь не думать. Она была той, кто уже неоднократно протягивала мне руку. Я должен был довериться ей вместо того, чтобы всячески разрушать то, что соединило нас.

Спустя несколько минут перед нами возникла станция. На первый взгляд, она напоминала сотни других — с приглушённым светом и строгими металлическими конструкциями. Но стоило посмотреть чуть дольше, и всё начало расплываться: очертания то смягчались, то обострялись, словно воспоминание, которое никак не удается поймать в полной ясности.

На входе нас встретили турникеты. Они щёлкнули и распахнулись сами, едва мы подошли. Бесшумно, без лишних движений. Если бы при жизни меня так же пропускали бесплатно, это же сколько я мог сэкономить!?

Отбросив ненужные мысли, я шагнул на эскалатор, ведущий вниз. Мы спустились в просторный вестибюль с высокими потолками, где мягкий свет отражался от отполированных плит. Пространство было одновременно знакомым и отталкивающе чужим — таким, каким бывает город, в котором когда-то жил, но успел забыть.

Оглядывая платформу и пути, на языке крутилось название места похожего на это. Но стоило мне ухватиться за хвост, как я, словно проглатывал, прежде чем успевал распробовать. А следом, воздух наполнялся нарастающим гулом.

Сначала лёгкая вибрация, едва заметная, словно сердце станции застучало быстрее. Затем дрожь под ногами. Свет затаился, а потом вспыхнул ярче. Металл отразил его вспышками, и вот уже в тоннеле проскользнула стремительная тень.

Поезд прибыл.

Двери открылись ровно в тот момент, когда мы спустились на платформу, будто расписание подстроили под наши шаги.

Я посмотрел на девушку. Она лишь усмехнулась и лёгким шагом ступила в поезд. А я проследовал за ней.

В поезде мы с девушкой сидели молча. Не то чтобы нам не о чём было поговорить, а потому, что каждый из нас был занят созерцанием пейзажа за окном.

Некоторое места проносились мимо, оставляя после себя лишь смутное ощущение дежавю, словно я когда-то здесь бывал, но не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах. Я узнал торговый центр, где часто проводил время, но что-то в нем было не так: вывески висели не там, где раньше, витрины, казались, слишком глубокими, уходящими в пустоту. Потом мелькнул знакомый перекрёсток, но фонари здесь светили странным, чуть серым светом, а асфальт выглядел слишком гладким, будто его только что залили, и ещё ни одно живое существо не успело пройти по нему.

Мы пересекали город, но он словно не замечал нас. Поезд скользил по рельсам, которых я никогда не видел в этом районе, но они появлялись ровно там, где ему нужно было проехать. Он двигался сквозь знакомые улицы, дворы, даже мимо моего старого офиса — только теперь окна в нём были пустыми, без привычных силуэтов сотрудников, задержавшихся на работе.

Затем начался лес. Густой, почти непроглядный, и я был удивлён, откуда здесь взялись железные дороги, если даже не видно пешеходных троп? Поезд шёл прямо вперёд, и деревья, что вставляли на пути, словно растворялись в воздухе, уступая место путям, а затем вновь смыкались за нами, оставляя лишь темноту.

Мне казалось, что мир не просто оставался позади — он как будто стирался. Верно, прошлому место в прошлом, впереди меня ждёт только будущее. Кажется, я впервые с надеждой смотрел вперёд вместо того, чтобы тонуть в сегодняшнем дне.

Я бросил взгляд на девушку. Она молча наблюдала за всем этим. В её глазах играли огоньки от, оставленных позади источников света и её лицо, сейчас, было самым волшебным зрелищем из всех, что мог преподнести мне этот мир.

— Твоя магия потрясающая. Как ты это делаешь? — спросил я.

В ответ, она лишь покачала головой, и я не понял — отрицает ли она или просто не хочет отвечать.

Мы достигли первой остановки. Затем следующей. А после, мы путешествовали пешком. Вероятно, промежуточные воспоминания закончились и впереди нас ждали только важные. Конечно, я не был уверен, кто их считал таковыми, но, в любом случае, это было весело.

Мы заходили в знакомые места — бары, кафе, рестораны, в которых я бывал при жизни. На первый взгляд, всё было точь-в-точь, как прежде: те же столы, тот же приглушённый свет, вывески, горящие неоновой усталостью. Но стоило прислушаться — и становилось ясно, вокруг ни души. Ни клиентов, ни официантов, только мы и тишина, нарушаемая нашими головами.

Еда появлялась сама по себе, как только кто-то из нас зачитывал названия из меню. Блюда выглядели безупречно: золотистая корочка, сочная текстура, аромат, от которого сводило живот. Но стоило попробовать — и вкус исчезал. Всё было пресным, словно еда была сделана из пластика.

Я с интересом наблюдал за девушкой: она хмурила брови, снова и снова пробуя блюда, будто надеясь, что в следующий раз всё изменится. Наконец, она отложила палочки и с досадой посмотрела на меня — как будто это я лично обманул её. Я не сдержал смешка.

— Ты ведь даже не знаешь, что это такое, да? — спросил я, кивая на тарелку.

Она лишь скептически прищурилась, но не ответила.

Я никогда не был гурманом, принимая еду как должное. В памяти отпечатались лишь формы, цвета, текстуры, но не вкус. А она, кажется, создавала блюда, полагаясь только на картинку, не зная, что скрывалось за ней. В каком-то смысле, мы оба были виноваты.

Но на этом её эксперименты не закончились.

Она подняла кружку и осторожно сделала глоток золотистого, пенного напитка. На её лице мелькнуло обескураженное выражение — настолько явное, что я едва не подавился смехом.

— Это... Хм... Это... Ужасно.

Она провела языком по губам, слизывая пену, и в этот момент выглядела настолько серьёзной, что я не выдержал и разразился хохотом.

В этом вопросе, я мог быть уверен. Я провёл множество дегустаций прежде чем нашёл заведения, где подают достойное пиво. Если оно было слишком кислым — значит, бочка старая. Если пресным — его разбавляли с водой. Если слишком резким — переборщили с хмелем. Я помнил все эти нюансы и выбирал с предельной точностью.

Возможно, именно поэтому я не запомнил вкус еды. После нескольких кружек мне было уже всё равно, что есть, лишь бы перебить послевкусие.

Девушка сидела напротив, и взгляд её казался одновременно внимательным и отстранённым. Неуловимо менялось выражение её лица — от лёгкого раздражения до чего-то похожего на любопытство. Она держала кружку, словно взвешивая в руке этот новый опыт, а затем с совершенно невозмутимым видом сделала ещё один глоток.

В её манере было что-то, что заставляло смотреть. Не красота в привычном виде, а сочетание непринуждённости и какого-то внутреннего достоинства. Она легко вписывалась в любой фон, но при этом неизменно выделялась. Если бы здесь были люди, они наверняка бы обратили на неё внимание — но не потому, что она бросалась в глаза, а потому что было невозможно иначе.

Она отставила кружку, задумчиво посмотрела на меня, чуть склонив голову на бок.

— Но выглядит-то любопытно, — заметила она.

Я снова рассмеялся, создавая пузырьки и обливаясь пивом. Впрочем, ничего нового.

Как только мы вышли из заведения, пейзаж вокруг нас начал меняться. Асфальт под ногами стал мягче, затягиваясь сочной зеленью, как будто кто-то невидимый начал стирать улицы, заменяя их живым ковром травы. Впереди открывалось пространство, и, прежде чем я успел осознать, мы уже стояли на вершине холма, усыпанного цветущими флоксами.

Тысячи вишневых деревьев окружали нас, их лепестки, подхваченные ветром, кружились в воздухе, устилая землю мягким розовым покрывалом. Они не просто падали — казалось, они плавали вокруг нас.

Мой взгляд гонялся за падающими цветками, пока в итоге не остановился на ней.

Как бы тривиально это ни звучало, я снова восхитился образом девушки. В лунном свете, окружённая вихрем лепестков, она выглядела особенно волшебно. Я хотел было сказать ей об этом, но прежде чем успел открыть рот, один из лепестков коснулся моих губ — тихий знак промолчать. Поэтому я предпочёл улыбнуться, продолжая наблюдать за ней.

Шаг за шагом наше путешествие продолжалось. Я не сразу заметил, как трава сменилась гладкой, сухой коркой земли. Ветер, который ещё мгновение назад должен был приносить запах цветущих деревьев, теперь нёс солоноватую горечь, от которой першило в горле и покалывало кожу.

Мы шли вперёд. Под ногами разливалась чёрная гладь, словно из земли просачивались залежи нефти. В лунном свете её границы терялись, растворялись, превращая поверхность воды в разорванное небо. Только звёзды оставались на месте — не вверху, а под нами, отражаясь в жидком стекле. Оно не шевелилось, даже под порывами ветра.

Я хорошо помнил тепло этого места — липкую жару, капли пота, стекающие по коже перед тем как окунёшься в воду, и холодный ветер, который обдавал тебя сразу после душа.

Я взглянул на девушку — она опустила на корточки, погрузила пальцы в воду и задумчиво посмотрела на них.

— Как интересно, — пробормотала она.

Я не мог с ней не согласиться. Кажется, я где-то слышал историю о человеке, который когда-то ходил по воде. Конечно, это было не тоже самое место, но то, как легко мы передвигались по водоёмам, почему-то напомнило мне об этом. Если взглянуть на легенду под этим углом, она уже не казалась такой фантастической. Возможно, и в моём мире существовал кто-то вроде неё.

Я окинул взглядом окрестности. Как тогда, так и сейчас, вокруг не было ничего примечательного. Вода уходила всё дальше, оставляя за собой покинутые здания, отголоски пляжей и отметины на скалах — следы того, куда она некогда доходила.

Этот высушенный пейзаж, пропитанный солёной горечью, не мог не оставить во мне чувства утраты.

Почему? Наверное, дело в том, что, проходя эти этапы заново, я испытывал странную сентиментальность.

Я перевёл взгляд на девушку. Её длинные волосы чуть шевелились от ветра, а тень от ресниц, дрожала на коже. Под её пальцами тонкая плёнка соли рассыпалась, оставляя на коже белёсый след, и почему-то в этот момент я подумал: когда это закончится? Очевидно, когда мы дойдем до конца. А дальше? Смогу ли я и дальше оставаться с ней или от меня останется лишь мимолётное прикосновение — как этот белый налёт, который сотрёт первая же волна?

— Ты слишком много думаешь. Это вредно, — сказала она, касаясь ладонью моей щеки.

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы оторваться от своих мыслей и вернуться в реальность. Осознав происходящее, я почувствовал, как жар поднимается к лицу, но всё же нашёл в себе силы ответить:

— Ты решила вытереть об меня руки? Так это не работает!

На её лице мелькнуло странное выражение, которое я не смог интерпретировать. Но спустя мгновение она рассмеялась... и действительно начала вытирать руку об мою щеку!

— Прекрати! Хватит дурачиться, — нахмурившись, я отмахнулся от неё.

— Это тебе стоит перестать дурить. Мои руки совершенно чистые. Вот, видишь? — Она демонстративно покрутила ладонями перед моим лицом.

— Хах, очевидно, вся соль уже на моём лице!

— О, ты в этом уверен? Может, проверишь?

Она склонила голову и хитро улыбнулась. Я не был уверен, что она имела ввиду, но сделал так, как было сказано — провёл пальцами по своей щеке. Ни липкости, ни шероховатости — только тепло, оставшиеся после её прикосновения.

— Ты так покраснелся, — с усмешкой заметила она, — Неужели тебя больше впечатлило косвенное прикосновение, чем прямое? Ты такой странный.

Моё лицо вспыхнуло ещё сильнее, а она снова рассмеялась.

— Ну тебя. Пойдём уже дальше

— Хи, мы уже пришли. Ты разве не видишь?

— Пришли? Вижу что? — недоумевая переспросил я.

Я наклонил голову на бок, внимательно изучая девушку, а она тут же повторила за мной, будто попугай.

— Очень смешно, — пробормотал я, сузив глаза. Но, признаться, даже это она делала мило.

Я выровнялся и покачал головой — она повторила за мной, с лёгкой задержкой, будто передразнивая. Я нахмурился, и на её лице тут же точно такое же выражение, но с оттенком насмешки.

Это было похоже на игру с отражением, но зеркало вдруг обрело своё собственное мнение. Единственное, что нас различало, — очевидно, внешность, и ещё то, что мои волосы не двигались так же красиво, как её.

С каждым новым взглядом, казалось, я видел её с новой стороны, будто медленно обхожу вокруг. Её глаза сияли, как никогда прежде, а лёгкая улыбка... начала меня тревожить. Она была, как озорной ребёнок, который затевал какую-то шалость.

Как это часто бывало, я ничего не мог понять по выражению её лица, и, вероятно, это и было причиной моих тревог.

Конечно, со временем её странные выходки уже не казались мне таким уж странными. Но всё же, она была словно искусный фокусник, всегда готовый достать из своей шляпы нечто невообразимое.

А дальше... Мы путешествовали. Заснеженные холмы расстиались перед нами, словно застывшие волны, а бегущие реки шептали свои истории всплесками воды — хотя ни одной рыбки я так и не заметил. В лесах ещё дрожали капли на листьях после прошедшего дождя, а горы то вздымались крутыми скалами, то расстиались пологими, покрытые мягким ковром опавшей листвы склонами. Мы видели пляжи — песчаные, дикие, каменные. Всё вокруг было знакомо. Это было похоже на ходьбу по собственным следам отпечатавшихся на снегу. Единственным отличием было, что следов стало на две пары ног больше.

Как бы изменилась моя жизнь, если бы она всегда была рядом? Мы возвращались бы вместе домой после работы, неспешно болтая по пути из супермаркета. Вечерами смотрели бы что-то, что нравилось нам обоим, или бы просто сидели, зарывшись в книги. В отпуске мы могли бы посещать подобные места, устраивать пикники под сакурой или же проводить его в стенах дома, избегая солнечного света, как вампиры. Говорили бы перед сном, а утром я первым делом видел бы её лицо — сначала спящее, потом ещё немного сонное, с ленивой улыбкой и неохотным пробуждением.

Возможно, нет, вероятнее всего, моя жизнь продлилась бы хоть на чуточку дольше
Вскоре я обнаружил, что мои мысли снова и снова возвращаются к девушке.

И чем больше я об этом думал, тем отчётливее проступала одна истина, словно изображение на старой фотоплёнке, медленно проявляющиеся в свете.

Когда это произошло? Оглядываясь назад, мне почему-то кажется, что с самого начала. Вероятно, я был слишком занят собой, чтобы принять это, или хотя бы заметить. Я был словно глупец, рыскающий по всюду в поисках ключа, пока тот находился у меня в руке.

Конечно, это могло быть обыкновенным увлечением, вызванным отсутствием других людей вокруг нас, но я не был до конца уверен в этом. Учитывая мой недееспособный мозг и сердце, оставался вопрос, откуда взялось это чувство? Не понятно.

— Куда мы идём теперь?

— В одно хорошее место?

— Хм? Хорошее?

Что бы это могло значить для неё? Какое место она могла счесть хорошим, если мы уже побывали на Лунном озере? Продолжая идти, я долго обдумывал это, но так ничего и не смог придумать.

Путь в тысячу ли начинается с первого шага. Удивительно, как много нам пришлось пройти, прежде чем оказаться здесь.

Дом, в котором я жил, был далеко не новой высоткой с блестящими стеклянными фасадами и не уютным особняком в японском стиле. Это были старое двухэтажное многоквартирное здание, каких в Токио осталось не так много. Кремовые стены, потрескавшиеся местами штукатурка, крыша из потемневшей черепицы, которая пережила не одно лето и не одну зиму.

Главная лестница была общей — длинная, металлическая, она тянулась вдоль фасада, скрипя под шагами. За годы краска облупилась, оставляя пятна ржавчины, но перила всё ещё были крепкими, пусть и холодными на ощупь. На каждом этаже шли одинаковые двери, за которыми скрывались небольшие квартиры. Некоторые украшенные табличками с именами жильцов, другие — простые, безликие.

Во дворе не было сада с идеально подстриженными деревьями или прудами с карпами. Только асфальтовая дорожка, ведущая к воротам, узкие улочки земли у стен, где кто-то посадил цветы, а кто-то просто оставил пару старых горшков с уже высохшими растениями. Возле входа стояли велосипеды — часть прикована к стойке цепями, часть просто прислонена к стене, будто владельцы знали, что их никто не тронет.

Летом воздух пах жареной рыбой и соевым соусом, зимой — чем-то горячим, с лёгким привкусом газа, когда жильцы готовили ужин. Вечером свет из окон размывался в тёплых пятнах, и, если прислушаться, можно было услышать шум телевизоров, звон посуды и голоса — не громкие, но живые, создающие атмосферу, в которой кажется, что ты не совсем одинок.

— И это то самое "хорошее" место? — спросил я у девушки.

— Не нравится?

— Не то чтобы...

— "Места, что однажды утратили для меня важность, смогут обрести её снова вместе с тобой" — напомнила она, рисуя пальцем круг в воздухе.

С её логикой трудно было спорить, особенно когда она цитировала мои же слова. Я скрипел, но был вынужден согласиться. Но почему именно это место? Чем оно было "хорошим"? Как тогда, так и сейчас, я не мог её понять.

Здесь не было ничего особенного. Едва ли птица назовёт прутья клетки "хорошими", если ей однажды посчастливится вырваться на волю.

Всё, что я мог сказать — здесь моя жизнь закончилась. Здесь стояла точка. Единственная. Среди сотен запятых.

Мы неспешно поднялись на второй этаж. Ступени отозвались знакомым скрипом, а перила встретили холодом. Пейзаж за пределами лестничной клетки оставался скрыт высотками — днём они отбрасывали мрачную тень, а ночью превращались в пугающий силуэт всепоглощающего прогресса.

В окнах соседних квартир горел свет — где-то тусклый, едва различимый, где-то яркий, оставляя тёплые дорожки света. Казалось, за этими стенами кипела жизнь, но кроме нас никого не было. Никого и не могло быть.

— Открывай. В твоём кармане должен быть ключ, — сказала девушка, остановившись у двери.

Я озадаченно посмотрел на неё, прежде чем порыться в карманах. Весь этот мир принадлежал ей, но она поразительно вежливо соблюдала чужие границы, не так ли?

Нащупав ключ, я вынул его, вставил в замок и повернул. Дверь открылась.

— Позвольте войти, — громко произнесла она, переступая порог.

Прихожая встретила меня холодом, не осязаемым, а скорее фантомным. При этом моя собственная квартира казалась мне такой далёкой, такой чужой.

Мысленно перед моими глазами стояло то утро, я и эта прихожая. Но я с трудом мог представить своё лицо в тот момент: скорее приукрашенный собственным желанием образ. Трудно сказать, был ли он лучше или хуже реальности.

Горечь скользнула по языку, оставляя за собой привкус металла. Я сморщился, но ощущение исчезло так же быстро, как появилось, будто его и не было. Лишь слабое послевкусие задержалось на мгновение, прежде чем раствориться. Всё вокруг медленно теряло краски, словно возвращая меня туда — туда, где ничего не осталось.

Тьма окутывала тело, пытаюсь погрузить меня в свои глубины. Я не хотел знать, что находилось на её дне, и поэтому скитался — скитался, следуя за светлячками.

Широко раскрыв глаза, я приложил ладонь к шее и резко хрустнул позвонками. Глухой щелчок раздался эхом в тишине прихожей, как будто встряхивая застывшие мысли.

Интересно, тот образ, к которому я тянулся... Те светлячки, что вели меня... Это ведь была ты, да?

Мне так хотелось спросить её об этом. Мне так хотелось знать. Но я решил оставить это позади, уверенно смотря в настоящее.

Я поднял взгляд на девушку. Она безмятежно улыбалась, смотря на меня через плечо. В этот момент она сияла ярче, чем та фигура, полностью созданная из света. Я улыбнулся ей в ответ и вошёл внутрь, закрывая за собой дверь.

— Я дома, — кажется, я впервые произнёс эти слова в этой квартире, не в пустоту.

Том 1 Глава 3: Путеводные разломы

Я думал, с возрастом всё будет намного проще. С опытом, понимание людей должно становиться легче. Но как показывала практика, чем старше ты становишься, тем сложнее становится жизнь.

Ещё несколько лет до своей смерти, я действительно верил, что хорошо разбираюсь в людях. Но всего одно событие расставило всё по своим местам. Я был словно спичечный коробок, из которого раз за разом забирали спички, пока внутри не осталось ничего. Чирок стёрся, и вместо того чтобы искать новые спички, я отложил коробок в сторону. В каком-то смысле, я себя выкинул, верно? Даже если бы у меня был выбор, я, вероятно, поступил бы так же.

У всех тех тёплых чувств, таких как любовь, забота и переживания, была и негативная сторона — навязчивость. И чем ближе становился человек, тем отчётливее она ощущалась. Чем теснее были отношения, тем меньше оставалось места для тебя самого — ведь понятие "мы" вытесняло "я".

Это была одна из вещей, с которой каждому приходилось либо мириться и справляться по-своему, либо — отказываться от неё вовсе.

Я лежал на кровати, прикрыв лоб рукой, и безучастно смотрел в потолок. Единственным шумом в квартире оставалось безжалостное тиканье часов. И сколько бы я не пытался их остановить, они неумолимо продолжали идти, оповещая о каждом пройденном шаге.

Впрочем, ничего нового. Со стороны могло даже показаться, что я в очередной раз погрузился в океан будничной рутины.

По правде говоря, я медленно оправлялся от... Хм? А от чего? От отказа? Но я не получал его. Тогда от чего же? Не знаю. Я не был до конца уверен, что произошло. Девушка исчезла ещё до того, как я успел договорить.

Вероятнее всего, она и правда мне отказала. Не прямым текстом, конечно.

Фантазии, которым я придавался, были ни на чём не основаны. Она лишь была добра ко мне, и ничего больше. Я знал это. Но всё же. Но всё же... Рубикон был перейден.

Было неправильно придумывать за других, особенно когда и прежде не получалось. Даже если казалось, что я знаю человека, понять мне его не удавалось. Отношения всегда оставались сложными. Сколько не учись на ошибках, предотвратить новые невозможно.

В ретроспективе, вероятно, весь этот пройденный путь и называется опытом. Немного забавно, что мне так и не удалось им воспользоваться при жизни, а после смерти, я оказался слишком нерасторопным, чтобы вовремя разобраться в ситуации. Важно всегда трезво смотреть на вещи. Я всегда старался следовать этому принципу, но сохранять ясность ума, когда разум поглощён беспочвенными надеждами, оказалось чрезвычайно сложно. Потому что чувства, как бушующий океан, рано или поздно находят брешь в плотине рассудка. Нет, это оказалось невозможным.

Возвращаясь к тому моменту...

.

Я уже по привычке потянулся, чтобы снять обувь, но, взглянув вниз, снова обнаружил, что бос. Да, разумеется. Я проверил стопы — чистые. Всегда чистые, даже после длинных прогулок. Практично.

Мы прошли сквозь прихожую, и вскоре оказались на кухне. Небольшая, уютная — именно такой я её помнил. Всё стояло на своих местах: стол, несколько стульев, даже небольшая царапина на спинке того, что чаще всего использовался. Наверное, такие вещи называют любимыми, не так ли? Я провёл по ней рукой, будто смахивая невидимую пыль.

Вероятно, в реальности здесь давно живёт кто-то другой. Может, переделал кухню, сменил мебель, выбросил вещи, которые когда-то были частью моего быта. А может арендодатель скрыл факт смерти в этой квартире, заранее выбросив ненужное. Да, именно так. Этот старик всегда был тем ещё негодяем.

Я усмехнулся. Он всегда пытался взять с меня больше, оправдываясь тем, что я ещё молод, холост, без детей или животных. Но теперь, все его грандиозные планы были разгромлены по щелчку пальцев.

Девушка вопросительно посмотрела на меня, а я покачал головой — ничего.

— Должен признать, это место определённо значимое, но не настолько чтобы я хотел сюда вернуться.

— Правда? Но всё свободное время ты проводил именно здесь. Разве не потому, что тебе тут нравилось?

— Тц, конечно же нет. Просто...

Несмотря на то, что, исходя из её тона, она знала ответ и просто дразнила меня, я не мог с ней спорить. Действительно, если заглянуть ко мне в голову, то стены этой квартиры заслонили собой остальные виды. Но это было не от того, что мне здесь нравилось, а от... Хм? От чего же? У меня не было выбора? Не сказал бы. Мне никто не мешал выйти прогуляться по парку, например. Тогда почему?

— ...не важно.

— Понятно.

Очевидно, что мы не заглянули в ванную пред тем, как пойти дальше. Там не было ни одной детали, которая могла бы задержать взгляд. Всё такое скучное, такое обычное, что даже если стереть из памяти мелочи, в ней бы ничего не изменилось.

Мы прошли через гостиную, плавно переходящую от кухни. Единственное, что хоть как-то отделяло одно от другого — это старый диван, стоящий напротив телевизора, словно обозначающая территорию, где можно было отдохнуть.

Было удивительным наблюдать, как зажигался свет везде, где проходила девушка. Казалось, будто блёстки, разлетающиеся в стороны от её шагов, проникали в стены, озаряя своим свечением комнаты. Однако на деле, просто зажигались лампочки.

А затем, пока я восхищался обычным зажиганием света, случилось это. Время ясно дало понять, что оно не стоит на месте, пока я трачу его на размышления. Моя рука, что ещё мгновение назад скрывалась в кармане, повисла в воздухе. Но девушка уже успела ступить за порог моей комнаты.

Стиснув зубы и неловко отведя взгляд, я проследовал за ней. Хотя здесь отсутствовали запахи, визуально всё было таким, каким я запомнил. Те же исписанные листы, хаотично разбросанные по столу и кровати, словно ураган пронёсся по комнате, оставив беспорядок моих мыслей в физической форме. На полу — смятые обрывки идей, так и не нашедшее себе места. Одежда, висевшая на спинке стула, напоминала тень меня самого — помятая и неухоженная. И постель... будто только пару минут назад я на ней сидел и перебирал бумаги.

Я чувствовал, как напрягается каждый нерв. Мои суставы скрипели, как ржавые качели, когда я поворачивался к девушке. Я уже готовился оправдаться — но она, кажется, не замечала этого хаоса. Лёгким движением она села на кровать, перебирая листки бумаги.

Она похлопала по простыни рядом с собой, как бы приглашая меня присесть и не отрываясь от бумаг, спросила: — О чём она? Твоя история.

Я осторожно присел рядом с ней. Взял из её рук несколько листков и бегло пробежался по строчкам.

— О чём история, да? — пробормотал я, сам себе.

Честно говоря, я уже не мог вспомнить всех деталей. В голове всплывали лишь обрывки — куски мира, осколки дороги, по которой шёл герой.

Обычный парень, попавший в другой мир и жаждущий приключений. Типичное начало, как в сотнях других анимаций и книг.

Ни сил, чтобы одолеть огра, ни славы за истребление слизней. Посредственная магия, и та — на уровне деревенского шамана. А без денег и надежды изучить что-то большее не представляло возможности.

Он всё чаще думал: может, стоило остаться в родительском доме, выращивать овощи и не гнаться за призрачным. Но сердце звало за горизонт, и он продолжал — не ради славы, а, чтобы доказать самому себе, что сможет. С каждым днём, с каждой каплей пота и крови — он верил, что оставит после себя хоть что-то.

Но вселенная никогда не была особенно внимательной к желаниям обычных людей.

Его история закончилась в одиночестве — в старости, в тишине. Без свершений, без подвигов. Ни героем, ни мужем, ни отцом.

"Так о чём же моя история?"

Почесав подбородок, я хмыкнул. Годы письма — и всё сжалось до минуты. Ни ярких событий, ни чёткой идеи, ни посылы. Обычная жизнь. Та, о которой не рассказывают. Та, которую не замечают.

— Ну? — склонив голову на бок, спросила она, забирая листы из рук.

— Наверное... Ни о чём.

— Ни о чём? Хмпф. Мне так не кажется... По-моему, твой персонаж живет тебя.

Я робко моргнул, переведя взгляд на девушку. Моя голова кипела от мыслей всего мгновение назад, а сейчас, мой разум застыл. Не могу точно определить название того чувства, что поселилось во мне, но я был не в состоянии формировать четкие мысли.

— Это... это ещё почему?

— Мечты его, может, и не сбылись... но он жил ими до самого конца.

— Хах? И? Смысл?

— В этом и смысл, — кивнула девушка, — Может он и не добился ничего из того, чего хотел, но упрямо шёл к этому. Он жил надеждой. И знаешь... думаю, он был куда счастливее, чем тот, кто её потерял.

Серьезно?

Почему она так думала? Нет, нет, я не отрицаю, что в её словах присутствовал глубокий смысл, но всё же. Мог ли герой безвестной, недописанной истории считаться живым? Ни его стремления, ни идеалы так и не были до конца переданы на бумаге. Его грудная клетка была не подвижна, как и моя. Мы с ним оставили одинаковый след — никакой. Тогда почему слепо следовать за мечтой и ничего не получить было лучше, чем смириться и принять всё как есть? Мне оставалось только гадать.

— Да, ты прав. Никому не хочется остаться ни с чем... но всё же. Как же это объяснить...

Она, похоже, о чём-то напряжённо думала, держа указательный палец у виска. А я так и остался сидеть в полном замешательстве, глядя на неё в ответ.

— Тебе не кажется, что человек, который чего-то хочет, выглядит более живым? Даже если для других его планы кажутся абсурдом, для него, это смысл жизни. И нужно быть достаточно сильным, чтобы продолжать идти за своей мечтой, когда ничего не получается. Ты так не думаешь?

"Что бы ты ни делал и где бы ни очутился, сияние останется с тобой. Все светлое, что кажется умершим внутри тебя, вновь оживет, если ты по-настоящему этого захочешь. Сердце просто не в силах отрешиться от надежды, потому что сердце не умеет лгать. Перевернув страницу в книге жизни и подняв глаза, ты вдруг встретишь улыбку абсолютно незнакомого человека, и поиск пойдет по новому кругу".

Это была цитата из какой-то книги — кажется, французский автор, но имени я, честно говоря, не помнил. Просто глядя в глаза девушки, я чувствовал, как меня переполняли эмоции.

Была ли это надежда? Кто знает. Я не особенно разбирался в собственных чувствах, чтобы ответить на этот вопрос. Однако, по неведомой причине, всё внутри меня, будто оживало.

— Не хочешь прогуляться ещё немного? — предложил я, вскинув рукой.

Она выглядела действительно шокированной сейчас. Но кривая улыбка, последующая за ним, дала понять, что она была не против. Девушка приподняла руку вверх и собиралась уже щёлкнуть пальцами, но я остановил её прежде, чем это случилось.

— Нет, не нужно, — я осторожно коснулся её руки, — Давай просто пройдемся. Следуй за моими, эм... мыслями, наверное?

Она внимательно смотрела на меня, склонив голову набок, а затем, коротко кивнула и встала с кровати.

— Тогда, пойдём?

— Угу, — ответил я, поднимаясь следом за ней.

Выйдя из квартиры и запирая за собой дверь, мне казалось, что я закрываю старую шкапу, наполненную какими-то детскими сокровищами. Сложно сказать, какое место они занимали в моём сердце сейчас, но решимости избавиться от них не хватало. Я сделал какое-то подобие вдоха и повернул ключ. Закрыто.

Девушка ждала меня внизу, и когда я отвернулся от двери, мои глаза тотчас были захвачены. Она стояла в тёмно-синей юкате, а пояс — белый. Да, я понимаю, что это описание ничего не передаёт, в целом, но... Всё вокруг меня расплывалось, стекая в бесконечную реку теней и среди неё — фонарь, сиявший ярче самого солнца. Она помахала мне, и, подавив в себе оцепенение, я побежал к ней.

— Как? Поч... Ты... Я... А... Ты выглядишь ослепительно...

— Вот как? Спасибо, — она игриво подмигнула мне, — А ты выглядишь как обычно.

— Эм, да. Похоже на то. Подожди, я...

— Ох, не нужно так драматизировать. Я просто пошутила. На самом деле, я уже успела привыкнуть к твоему незамысловатому наряду.

Я приподнял бровь, смотря на неё с притворным укором.

— Это ты так тонко намекнула, что у меня нет вкуса, да? Спешу заметить, дамочка, мой стиль всегда отличался изяществом.

— Ах, дамочка? Каков невежа, — она притворилась оскорбленной, приложив руку к груди, — Не желаю слышать ничего о моде, от человека, разгуливающим по улице в домашнем халате.

— Эй! Это... не правда! — я поспешил оправдаться, хотя, в действительности, и правда выходил в супермаркет в халате. Но всего раз. Или... может быть несколько.

Спустя короткий миг, она разразилась хохотом, а я вместе с ней. Порой, в таких незначительных словесных перебранках, я забывал, что мы с ней из разных миров. Интересно, много ли людей из моего мира она встретила до меня? Или же, ей было достаточно всего одной души, моей? За время моего пребывания с ней, я не встречал никого другого, поэтому... Может ли быть, что именно я был тем, кто так повлиял на неё? Знаю, знаю, это было очень высокомерно с моей стороны, но всё же.

— На самом деле, этот наряд, юката, кажется? Тоже немного напоминает халат, — заметила она.

— Ха! То-то же, модница тут нашлась.

Со скептическим выражением лица, она цыкала, водя указательным пальцем перед моим носом, — Но, но, но, ослепительная модница, попрошу заметить.

— Да, да, как скажешь. Пойдём уже.

Должен признать, у неё была удивительная способность, переводить любой неловкий момент в шутку. Но пока она была довольна, я, кажется, был готов к любому исходу.

Не спешным шагом, мы двинулись дальше. Сквозь ничем не примечательные улицы городского района, плавно переходящие в сосновую рощу, разместившуюся на горе. Не знаю, как называлось это состояние, но я был восхищён, наблюдая за тем, как мои мысли, магическим образом материализовались прямо на моих глазах. Было бы любопытно узнать, как это работало. Видела ли она мир моими глазами, или же, как-то ещё?

Мы медленно спускались вниз по вытоптанной тропинке, меж хаотично разбросанных тонких стволов деревьев. До моих ушей донёсся тихий шёпот волн, идущий из-за обрыва. А затем, когда кроны деревьев расступились, моим глазам открылся вид на море. Воду озаряло ночное небо и казалось, на звёзды можно было смотреть, не поднимая головы.

Конечно, мы побывали во множестве мест: от озёр до океанов, от скалистых вершин до песчаных впадин, но это то место, которое я действительно мог назвать особенным. Не только из-за людей, с которыми я был здесь, а просто потому что.

Странно, правда? Она ведь видела меня насквозь, а не смогла отыскать это место. Вероятно, она, как и я, не хотели переворачивать эту страницу. Это была часть, которую я должен был открыть самостоятельно. Так мне кажется. Неловкая улыбка, появившаяся на лице девушки, дала мне понять, что я был не далеко от истины.

С чего бы начать... Я всегда был немного сентиментальным, хоть и прятал это за фасадом безразличия. Итак, наверное, уже довольно-таки давно, у меня была девушка. Уверен, для большинства это признание звучит обычно. Но, согласитесь, немного странно слышать такое от человека, который выглядел отрешенным. Правда в том, что именно таким я стал после того, как всё закончилось.

Мы познакомились во времена института, почти не расставались — от пробуждения и до сна. Не будет преувеличением сказать, что мы вместе выросли, особенно если учитывать, что на момент встречи, она была ещё в старших классах. Мы жили в разных городах, но цифровой век позволял хоть как-то компенсировать недостаток живого общения. Конечно, мы часто виделись и лично — и не только в этом месте.

Но чем старше она становилась, тем сильнее она отдалялась. Хотя физически мы были на прежнем расстоянии, внутри эта дистанция росла. В какой-то момент технологии перестали справляться.

Наверное, я должен был бросить всё и поехать к ней, но тогда... мы оба не смогли оторваться от привычной жизни.

Немного позже она переехала в другую страну. Даже после расставания мы продолжали общаться — на самом деле, даже чаще, чем в последний год наших отношений. Там она встретила девушку и, кажется, наконец обрела счастье. Трудно сказать наверняка: чем ближе тикало время к моей смерти, тем реже становились наши разговоры, пока не прекратились вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.